

Путь от пастуха до пастыря

ПРОТОПРЕСВИТЕР
ВИТАЛИЙ БОРОВОЙ
IN MEMORIAM

Сборник
Александр Михайлович Копировский
Путь от пастуха до пастыря.
Протопресвитер Виталий
Боровой. In memoriam

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28058315

Путь от пастуха до пастыря: Протопресвитер Виталий Боровой:

*In memoriam.: Свято-Филаретовский православно-христианский
институт; Москва; 2017*

ISBN 978-5-89100-170-1

Аннотация

В книге собраны уникальные материалы о жизни выдающегося служителя церкви XX в. протопресвитера Виталия Борового (1916–2008): статьи, интервью, воспоминания современников, свидетельства друзей и учеников, а также фотографии из личного архива протопр. Виталия. Впервые публикуется автобиографическая статья протопр. Виталия из его личного архива и выступления участников вечера памяти, прошедшего 25 января 2016 г. в Свято-Филаретовском институте и приуроченного к 100-летию юбилею протопресвитера Виталия Борового.

Содержание

От составителей	7
Из приветствия участникам конференции	9
«Духовное наследие протопресвитера Виталия Борового»[1]	
Вдохновенное слово пророка[2]	11
Автобиографические вехи и заметки к жизни[3]	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Путь от пастуха до пастыря. Протопресвитер Виталий Боровой.

In memoriam

*Нам предстоит новая христианизация нашей
страны
Протопр. Виталий Боровой*

Протопресвитер Виталий Боровой

От составителей

18 января 2016 года исполнилось 100 лет со дня рождения протопресвитера Виталия Михайловича Борового – человека, практически всю свою долгую по земным меркам жизнь (почти 93 года) посвятившего служению Богу и Церкви. Он служил «словом, делом и житием», и в этом служении, действительно, прошёл путь от мальчика-пастуха до выдающегося пастыря, – что и вошло в название сборника, составленного в его честь и предлагаемого читателю.

Это уже второй сборник памяти протопр. Виталия, изданный московским Свято-Филаретовским институтом, членом попечительского совета и большим другом которого он был со дня основания института в 1988 году. Первый сборник – «Быть свидетелями Христа» – состоял из проповедей о. Виталия. Во второй вошли воспоминания и интервью о нём известных архиереев Русской, Константинопольской и Польской православных церквей, нескольких профессоров Московской духовной академии, а также выступления участников вечера памяти о. Виталия, проведённого в январе 2016 года Свято-Филаретовским институтом, священников и мирян, в большинстве близко знавших его в течение многих лет.

Среди материалов сборника – автобиография о. Виталия, его личные воспоминания, фрагмент проповеди, который в

записи прозвучал на вечере памяти, и список его печатных работ.

Издание снабжено большим количеством фотографий о. Виталия разных лет, которые были представлены на проходившей в СФИ выставке, приуроченной к 100-летию со дня рождения протопресвитера Виталия Борового.

Завершается сборник заметками об установлении памятных знаков на родине о. Виталия в Докшицком районе Витебской области Беларуси и в Жировичах на здании духовной семинарии, которую он воссоздавал в послевоенные годы.

Но лучшим памятником ему является искреннее почитание его многими православными и инославными христианами. Пример жизни о. Виталия продолжает вдохновлять, его слово продолжает звучать, призывая к следованию за Христом, к возрождению Церкви, к новой христианизации России.

Вечная ему память!

Из приветствия участникам конференции «Духовное наследие протопресвитера Виталия Борового»¹

Митрополит Филарет (Вахромеев), почётный Патриарший экзарх всея Беларуси

...Позвольте мне просто поделиться тем образом – образом, который остался в моей памяти об отце Виталии.

Как-то раз мне довелось быть на конференции, где докладчик вспоминал древнегреческого философа Сократа. Было указано его исключительное значение для истории философии. И далее речь зашла о том, что один из современников, кажется, комедиант Аристофан, уподобил Сократа оводу, который своим жужжанием не давал покоя согражданам. Он побуждал их постоянно задумываться, бодрствовать совестью и умом.

Вот этот образ неусыпающего Сократа соединяется в моей памяти с тем, что составляет суть отца Виталия Борового.

¹ Впервые опубликовано на портале Белорусской Православной Церкви: <http://church.by/pub/privetstvie-mitropolita-filareta-vahromeevauchastnikamkonferencii-duhovnoe-nasledie-protopresvitera-vitalijaborovogo-3-oktjabrja-2015-goda-zhiroviichi> (дата обращения: 14.11.2016).

Всю жизнь он восхищался выдающимся богословом и историком древней Церкви Василием Васильевичем Болотовым. Восхищался и мечтал продолжать его дело. Конечно, бесконечные послушания не давали ему возможности полностью погрузиться в академические штудии. Однако отец Виталий обладал исключительной пытливостью ума. Он много знал. Но, пожалуй, гораздо важнее эрудиции было то, что он умел думать: быстро, чётко схватывать суть дела и предлагать решения проблемы. Отец Виталий побуждал людей вокруг себя к ответственному мышлению.

В нём присутствовало трезвое и требовательное отношение к людям и ко всему происходящему. Он любил людей и, когда нужно, был снисходителен к ним. Но, когда дело касалось принципов, интересов Церкви, в нём чувствовалась нелицемерная, чуждая всякого человекоугодия преданность делу.

Возможно, от этого в отце Виталии чувствовалась некая особенная весёлость, иногда даже дерзость в свидетельстве правды. Однако при этом он был весьма осторожен, – настоящий дипломат!

Вот такой он был и остаётся в нашей памяти – отец Виталий Боровой, наш соотечественник и – верю! – ходатай пред Престолом Божиим о Церкви Христовой.

Дай Бог, чтобы те, кто ныне учится в духовных школах, с благоговением поминали наставников своих и посильно подражали им в преданности и любви к Церкви.

Вдохновенное слово пророка²

Епископ Новосибирский и Бердский Сергей (Соколов)

Мне вспоминается первое заседание Синодальной комиссии Русской Православной Церкви под председательством Святейшего Патриарха Пимена по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси. Шёл, если я не ошибаюсь, 1980 год. И вот в эти дни в Патриарших покоях Троице-Сергиевой Лавры проходит заседание Синодальной комиссии в расширенном составе. В неё вошли кроме членов Священного Синода представители Отделов Патриархии, духовных школ и монастырей. Заседание происходило в лучших традициях «застойного» периода. Были произнесены заранее подготовленные, проверенные кем надо и одобренные речи. Высокое собрание несколько раз делало перерыв на кофе и, казалось, ничего, особенного и на сей раз не прозвучит, хотя повод для неформального, глубокого собеседования, конечно же, был – богословское осмысление тысячелетней истории нашей Церкви.

Но вот, буквально в последние минуты заседания, Святейший Патриарх Пимен с какой-то странной и не свойственной ему иронией говорит: «Мне кажется, что-то ко всему ска-

² Сергей (Соколов), еп. Правдой будет сказать...: записки о пережитом. М., 2008. С. 94–100.

занному хочет добавить отец протопресвитер Виталий Боровой». Надо было видеть, как в зале мгновенно наступила абсолютная тишина и какое-то незримое напряжение. По тону Патриарха было ясно, что выступление отца Виталия не планировалось. Протопресвитер, работавший в Отделе внешних церковных сношений и служивший настоятелем в Патриаршем соборе, снискал себе славу как человек прямолинейный и предельно искренний. Великолепное знание им истории Вселенской Церкви (он профессорствовал в Московской Духовной Академии и вёл кафедру византологии) часто делало его советы и консультации просто необходимыми для священноначалия, так как они были всегда в высшей степени глубоки и духовно обоснованны. Правда, его прямота и полное отсутствие льстивой дипломатии делали иногда его высказывания и поступки предметом недовольства Совета по делам религии. Но отец Виталий был богослов с мировым именем и грубо обойтись с ним, как это делали с простыми священниками за живое слово правды, было не так-то просто. Хотя, забегая вперёд, скажем, что скоро его всё-таки сняли с почётного места настоятеля Патриаршего Собора, дав место настоятеля в одном из московских храмов. Внешне протопресвитер перенёс это совершенно спокойно, тем более что авторитет его как эрудированного, открытого для всех пастыря от этого ещё более возрос.

...Все взоры обратились в сторону отца Виталия. Протопресвитер встал. По нему было видно, что он не ожидал та-

кого поворота в заседании. Подозреваю, что своим внешним видом, жестами (а они у него срывались довольно часто, когда он внутренне был не согласен с выступавшим), он привлёк внимание Патриарха, и тот, в нарушение регламента, а это было абсолютно ясно всем, дал слово отцу Виталию. И отец Виталий сказал.

Помню дословно только начало его речи. Он, как обычно, немного заикаясь от волнения, с присущим ему белорусским акцентом, размашисто жестикулируя руками, что обычно делало его выступления и даже проповеди очень эмоциональными, срывающимся от волнения голосом начал: «Я... я не хотел говорить... Но... но... раз уж его Святейшество дал мне слово... то... то... я скажу... Скажу... как всегда то, что думаю по этому вопросу... хотя... может быть, это вам и не понравится...»

То, что сказал отец Виталий, было главным во всём заседании Синодальной комиссии. Он говорил о том, что было дорого и понятно абсолютно всем, но о чём, в силу известных обстоятельств, никто не мог сказать вслух, да ещё на таком официальном заседании. Он говорил о Церкви – вечно живой и никем не побеждённой. Как помню, в его выступлении не было резких выпадов по отношению к власти, но и не было ни одного лишнего слова.

Его речь была проникнута глубочайшей верой в то, что Церковь наша не только жива и поэтому достойно готовится к славному событию, но он пророчески начертал

огромный план работы по воцерковлению нашего общества, он верил в преображение нашей страны, а потому говорил о расширении духовного образования, об открытии храмов и монастырей на Руси и особенно, что мне запомнилось, о канонизации многих почитаемых святых, мучеников и исповедников. Он с жаром доказывал неправомочность произведённой канонизации Русской Зарубежной Церковью святого праведного Иоанна Кронштадтского, так как это святой долг и обязанность нашей Церкви – видеть явления святости и своевременно объявлять об этом. Многим тогда показалось, что отец Виталий совсем потерял чувство реальности и забыл, где он и с кем он говорит. Это было вдохновенное слово пророка, который не мог молчать и говорил то, что ему подсказывала его совесть.

Я не знаю, попало ли в протокол заседания его слово, скорее нет, чем да, но абсолютно уверен, что именно оно дало тот необходимый толчок к конкретным действиям наших иерархов.

Автобиографические вехи и заметки к жизни³

Протопресвитер Виталий Боровой

Родился 18 января 1916 года в крестьянской семье в Белоруссии в деревне Нестеровка Докшицкого района Минской губернии, ныне – Витебская область, раньше – Полоцкая область. Семья была бедняцкая, малоземельная, отец и мать – Михаил и Христина – неграмотные белорусские крестьяне. Отец умер вскоре после моего рождения, мать – вдова на безлошадном хозяйстве, жила с двумя оставшимися после смерти мужа сыновьями – Михаил старше, я – младший. Жили заработками у более богатых соседей. Михаил, которого против его воли заставили в 17 лет жениться на вдвое старшей его (45-летней) дочери богатого крестьянина, который дал со своей дочерью в приданое – лошадь и стал помогать нам по хозяйству (<дал> корову, плуг, борону т. п.). От такой жизни брат сбежал в СССР (граница от нас была в 10 км – лесом). В СССР он стал лейтенантом Красной Армии и погиб на войне с японцами – при Халхин-Голе (ибо жил уже

³ Рукопись. Архив СФИ. Личный фонд протопресвитера Виталия Борового. Публикуется впервые. (Написано в возрасте 86 лет. В тексте сохранены стиль и орфография автора. – *Прим, сост.*)

в Нижнеуфимске на границе с Монголией).

Мать осталась одна со мной, который должен был готовиться ходить в общеначальную («народную») школу – школа была на польском языке (ибо русский и местный белорусский языки были польским правительством не признаны и все обязаны были ходить в государственную народную польскую школу). Мать сдавала меня ради заработка (натурой давали хлеб и т. п.) более богатым крестьянам – пастухом, пас их скот.

Я оказался «плохим» пастухом, так как брал в школе начальные книги для детей и читал их запоем во время пастьбы, а скот пользовался этим и поедал засеянные площади. Хозяева этих потравленных площадей меня били и жаловались матери.

Мать обратилась за помощью и за советом, что со мной делать, к местному священнику. Он сказал, что если я сам люблю читать книги, то меня надо учить. Мать отвечала, что она бедная, денег нет, а польские школы (гимназии и высшие школы) все платные и требуют на это постоянно большие деньги. Священник сказал, что в Вильно есть такая школа, где принимают и обучают бесплатно. Это Духовная семинария. Так решилась моя судьба. Священник помог устроить меня в Духовную семинарию после 7-миклассной народной государственной школы.

Я после подготовки и экзаменов был принят в IV класс семинарии. Всего в семинарии было 9 классов. В семинарии,

кроме основного семинарского обучения – богословские и церковно-богослужебные предметы – проходил курс историко-филологического и философского обучения; языки – русский, белорусский (и литература на этих языках), польская история, язык и литература на польском языке; церковно-славянский, греческий и латинский языки. Окончание полного курса этого девятиклассного обучения давало выпускникам семинарии право поступить, если они этого дальше желали, на православный богословский факультет Варшавского университета. Кроме того, заключительный экзамен давал выпускнику право государственного аттестата зрелости и право поступить без вступительных экзаменов на любой факультет любого высшего учебного заведения в Польше. Так я попал в Духовную семинарию и закончил ее выпускником первой высшей категории с аттестатом зрелости, а после Виленской Духовной семинарии – Православный Богословский факультет Варшавского университета. Дальше всё пошло обычным (нормальным) образом, и моя автобиография становится прозрачной, ясной и краткой в формулировках.

С осени 1929 года по осень 1936 г. – студент (вернее – семинарист) Виленской ДС. С осени 1936 г. по осень 1939 г. – студент Православного Богословского факультета Варшавского университета.

В сентябре 1939 г. немецкие войска заняли всю Западную Польшу (включая и Варшаву), а войска Советского Союза

заняли всю Белоруссию (по Брест, Неман – Гродно включительно) и всю Украину (включая Холмщиной и Галицией – до предместий Кракова), и Польша (временно) перестала существовать как независимое государство, а жители занятой советскими войсками Белоруссии и Украины стали гражданами СССР.

С сентября 1939 г. я стал гражданином СССР (а в настоящее время я гражданин России, Российской Федерации), и так началась моя жизнь в Советском Союзе.

С осени 1939 года – я учитель средней школы (уже советской) у себя на родине. Преподавал русский и белорусский языки, историю русской и белорусской литературы.

В июне 1941 г. немецкие войска напали на СССР и заняли (оккупировали) мою Родину. Школа закрылась, и я стал псаломщиком и чтецом в нашей местной церкви (с. Ситце Докшанского района).

Немецкие войска заняли всю Белоруссию (Минск) и пошли дальше по направлению Смоленска и Москвы, Витебска, Пскова, Новгорода и Ленинграда. В оккупированной немцами Советской (восточной) Белоруссии к этому времени все церкви были уже закрыты и разрушены – не было уже духовенства (ни одной епископии, духовенства, бывших настоятелей закрытых или разрушенных храмов и монастырей).

Тогда с западной части Белоруссии (из Жировиц) приехал в Минск митрополит Пантелеймон (Рожновский) и архиепи-

скоп Филофей (Нарко) и стал обращаться к духовенству Западной Белоруссии, чтобы приехали помочь наладить церковную жизнь в Минске и других городах и селах Белоруссии – открывать закрытые храмы, ремонтировать разрушенные здания и т. п.

Мои друзья-священники обратились ко мне помочь им в их трудном деле. Митрополит Пантелеймон обратился ко мне с просьбой быть секретарем в этом деле. Так я очутился в Минске и стал секретарем Минского епархиального управления у митрополита Пантелеймона (Рожновского) и архиепископа Филофея (Нарко). Так я стал секретарем Минской Духовной консистории (епархиального управления). За то, что Минское епархиальное управление и митрополит Пантелеймон были верными митрополиту Московскому Сергию и поминали его на службе в Минске, немцы арестовали митр. Пантелеймона и вывезли его в лесной монастырь вглубь Белоруссии. В знак несогласия с этим я заявил архиеп. Филофею (Нарко), что возвращаюсь в свою деревню к матери и не хочу больше быть в Минске. И я уехал к себе на родину, в свою деревню.

Потом у немцев дела пошли из рук вон плохо, и они вынуждены были вернуть митрополита Пантелеймона снова в Минск. Митрополит, когда вернулся и взялся за управление, снова написал мне, вернее, известил Докшицкого благочинного и Глубокского настоятеля, что он просит меня вернуться. И я вернулся, но все это вскоре обернулось для всех уxo-

дом, а вернее, бегством, отступлением немецких войск под напором Советской Армии – из Минска немцы стали также вывозить и епархиальное управление – с митрополитом Пантелеймоном и архиепископом Филофеем (Нарко). Посадили в вагоны всех архиереев (Пантелеймона (Рожновского), Филофея (Нарко), Афанасия (Мартоса), Стефана (Севбо), Венедикта (Бобковского) и др.) и всех нас – все управление, и под немецкой охраной из Минска вагон этот доехал до Барановичей, потом до Гродно. В Гродно задержались, чтобы ехать (вывозить) дальше – в Германию и т. п.

Ночью я и моя жена (я женился в Минске на минчанке) тайно покинули поезд (вагон) и спрятались тихо в подвале одного дома, где просидели всю ночь, а утром уже в Гродно пришли советские войска. Поезд же с архиереями и епархиальным Минским управлением пошел дальше, и все обитатели этого поезда (все архиереи) очутились в Германии, там они и жили. Почти все они уже умерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.